

Философский анализ мифологической картины мира

И. В. Старикова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Автор рассматривает отличительные особенности мифологической картины мира, прослеживает связь мифологической и научной картин мира, исследует характерные признаки, на основании которых можно судить о том, что мифологическая картина мира предстает как базовая, проявляется вне сознательного мышления. С помощью диалектики автор раскрывает, каким образом в мифологической картине мира реализованы такие философские категории, как вера / знание, субъект / объект, идеализм / материализм, душа / тело, бесконечность / конечность, абсолютное / относительное, вечность / время, целое / часть, одно / многое. В заключение автор обобщает результаты философского исследования и формулирует основной вывод: субъект, который описывает картину мира, оказывается под воздействием собственной же картины мира, которая влияет на него как на объект.

Ключевые слова: мифологическая картина мира; научная картина мира; философская категория; субъект познания; диалектика.

В философии принято рассматривать общую научную картину мира. Иногда анализу и изучению подвергается локальная картина мира, которая рассматривает мир с точки зрения одной отрасли науки, через призму этой отрасли (мир физики, мир химии). При этом за краем исследования остаются прочие картины мира, такие как социальные, индивидуальные и мифологические, которые также представляют собой мир, организованный мыслящим субъектом или группой лиц.

К примеру, при описании научной картины мира принято говорить о строении Вселенной, действующих в ней гравитационных, квантовых, электронных и механических силах. Это описание мира, как считает В. И. Вернадский, подобно описанию часового механизма и затрагивает понятие «живое» только с формальной точки зрения [1, с. 13]. Вместе с тем мыслящий

субъект, который является частью «живого», напрямую влияет на то, что принято считать научной картиной мира, добавляя в нее фикции и предрассудки. Описывая картину мира, человек фактически добавляет в нее собственное Я, даже с точки зрения бесстрастной науки, поскольку ему приходится одни гипотезы принимать, а другие исключать, чтобы картина мира была непротиворечивой. Впрочем, следующие за ним поколения исследователей убирают из общей научной картины мира несуществующие и несущественные элементы, добавляя свои. И этот круговорот предположений и фикций в строго научной картине мира неизбежен: когда наука подходит к краю изученной области, ей приходится основываться на гипотезах. Если гипотезы подтверждаются — на их базе возникают новые, которые дальше раздвигают границы познания, если опровергаются — также выдвигаются

© Старикова И. В.

новые гипотезы. А значит, исследование на грани изученного всегда несет нечто от самого исследователя. А там, где действует отдельный, частный разум, — там проявляются следы коллективной, социальной картины мира, внутри которой была сформирована личность исследователя.

Предположим: исследователь столкнулся с явлением, которое не способен объяснить с помощью научной терминологии. Хочет он того или нет, но чем дольше он будет пребывать в бесплодных поисках, тем чаще будет склоняться к мнению, что в данном случае допустимо говорить о проявлении мифического. Это привычный с детства способ мышления, который объясняет область неизведанного. При этом исследователь будет понимать, что его объяснение накладывается как заплатка, как нечто временное, которое позже будет заменено научным фундаментом.

Известен случай: на научную конференцию фтизиатров хирург привел свою пациентку, у которой осталось 27 % легочной ткани. Седые профессора долго изучали медицинские документы, смотрели снимки и даже сказали: «Зачем мы рассматриваем рентген вскрытого трупа?» Когда представителям научного сообщества объяснили, что это снимки живой девушки, они чрезвычайно удивились. Пациентку попросили походить, попросить сесть. Она испытывала одышку, но не падала в обморок от кислородного голодания. Один из профессоров воскликнул: «Нет, это невозможно. Это какое-то чудо!»

Таким образом, мифологическая картина мира предстает как базовая, глубинная. Даже развенчанная носителем, она продолжает существовать и проявляется, когда сознательное мышление заходит в тупик.

Джеральд Холтон выделяет свойства, присущие каждой картине мира [2, с. 38]:

- является здоровой и реалистичной (здесь следует уточнить, что для носителя мифа миф является непосредственной реальностью, в рамках которой разворачивается логика мира, а значит, его мир отвечает требованию реалистичности);

- имеет функцию объединения индивидуумов, их консолидации и сплочения в цельное общество, чтобы полноценно функционировать внутри этого общества, опираясь на единое видение мира;

- несет функцию четкого разделения на «своих» и «чужих»;

- обусловлена социальными и культурными особенностями эпохи.

Общемировая картина мира каждого индивида непротиворечиво взаимодействует с предметно-бытовой картиной мира. Существует тенденция согласования личностной и коллективной картин мира друг с другом. Так, по Холтону, картина мира представляет собой сплав тематических категорий и допущений, которые человек принимает бессознательно, на этапе формирования личности. Эти базисные категории Холтон называет *тематизмами*.

Однако перечисленные выше свойства не указывают на то, что картина мира каждого индивидуума — здоровая и непротиворечивая, вовсе нет. Чаще она содержит нелепые противоречия, например: вера в силу медицины и вера в силу бабушкиного нашептывания, которую разум индивида оправдывает формулировкой «на всякий случай». Также индивидуальная картина мира трансформируется с течением времени — от незначительных подвижек до кардинальной смены мировоззрения (атеизм → христианство).

Чтобы описать мифологическую картину мира с точки зрения философии, следует рассмотреть, как мифология представляет следующие философские категории: вера/знание, субъект/объект, идеализм/материализм, душа/тело, бесконечность/конечность, абсолютное/относительное, вечность/время, целое/часть, одно/многое.

1. Вера и знание. Представляет ли мифологическая картина мира то, что знает, или описывает то, чего не знает?

Алексей Федорович Лосев делает вывод, что «знание в сущности своей и есть подлинная вера; эти две сферы не только не разъединимы, но даже и не различимы» [3, с. 114]. Так, верующий человек не может верить в предмет веры, который не выделен, поскольку нет предмета веры, а значит, нет и веры. Верит ли он во «что-то» или в нечто определенное? Если это «что-то» не определено, значит, оно не отличается от предмета неверия: включает всё и ничто сразу, поскольку из ряда предметов не выделен ни один, который бы освещался верой. А если предмет веры определен, значит, он выделен из ряда предметов, а значит, верующий *знает* предмет своей веры. Следовательно, вера — это знание.

Таким образом, мифологическая картина мира описывает то, что известно: максимально конкретный вещный мир, наполненный предметами знакомыми, а значит, в плане знания мифологическая картина мира не отличается от научной картины мира, поскольку и та, и другая построены на законах внутренней логики, где разнится только предмет знания.

При этом мифологическая картина мира должна оставаться неизъяснимой окончательно, такой, как если бы для полного ее описания не хватало

авторитета. Она должна пребывать в состоянии вечной динамики и неполноты: «вот раньше старые люди говорили», — в котором в данный момент отсутствуют «старые люди» и «утерянное раньше», соответствующее некогда идеальному времени — это и будет отличительной особенностью мифологической картины мира. Изъяснение и фиксация событий, затрагивающих миф, а именно описание их в принятой раз и навсегда завершенности делает мифологическую картину мира догматичной, что является признаком религии, тогда как миф динамичен — вечно ускользает.

Но даже в признаке неизъясненности мифологическая картина мира сближается с научной картиной мира, поскольку наука имеет дело с границей познанного и непознанного мира, и определить, выделить и классифицировать непознанное не позволяет отсутствие эмпирической составляющей, зафиксированности предмета.

2. При этом необходимо выделить и определить, что есть *вера*, поскольку мифологическая картина мира, равно как и мифологическое сознание, постоянно сталкиваются с объектами веры.

Итак, знание — это знание чего-нибудь, знание знаемого. Знание отлично от знающего, поскольку если знающий не знает предмета, отличного от него самого, то он сам является и субъектом познания, и его объектом, а значит, не имеет ничего, противопоставленного себе. И здесь начинается предмет веры. Если знающий оперирует только теми средствами, которыми владеет он сам, — логическими и смысловыми, то он всегда будет вращаться внутри себя: оперировать со знаемым не как с реальными вещами, а как с собственными идеями и понятиями. А следовательно, знаемое отличается от знающего еще

и не-логическими признаками. А вне-логическое положение предмета — это объект веры. Следовательно, знание — это и есть вера.

Таким образом, мифологическая картина мира построена на знании, но в ней действуют собственные законы внутренней логики, где причина и следствие целесообразно и гармонично увязаны, как и в научной картине мира.

Необходимо уточнить следующий момент: выше определено, что знающий отличается от знаемого вне-логически, а значит — ощущением, чувственно. Но отсюда не следует, что объект знания материален, поскольку словом «чувственно» приходится выражать вид ощущения вообще, куда также можно отнести и «сверхчувственное восприятие».

3. Соотношение субъекта и объекта в картине мира.

В любой картине мира, мифологической или научной, субъект является объектом, а картина мира как продукт мысли субъекта выступает, в свою очередь, таким же полноправным субъектом. Поясним, что это значит.

— Субъект в попытке описать картину мира пользуется ресурсами языка и, выражая свое видение мира, описывает его теми средствами, которые считает наиболее подходящими для этой задачи. Здесь его влияние как субъекта, творческое и вне-логическое воздействие на картину мира заключается в выборе слов, потому что точный пересказ по памяти или даже попытка формулировать и систематизировать мир неминуемо допускает искажение тех данных, что были взяты за основу.

— Однако и сама картина мира выступает в роли субъекта, поскольку на этапе доречевого развития, на этапе освоения речи закладывает механизмы думания, шаблоны мышления в разум

индивидуума посредством языка. Того, чего нет в языке или семиотической системе, — не существует. До тех пор пока в язык не пришло слово «дежавю», состояние, им обозначаемое, хоть и было, но оставалось неназванным, а следовательно, несуществующим в картине мира.

— В категориях «субъект» и «объект» мифологическая и научная картины мира совпадают, поскольку в обоих случаях при попытке описать картину мира необходимо говорить о наследовании ее (картина мира = субъект) и творческом переосмыслении (картина мира = объект), что искажает исходную картину мира и провоцирует дальнейшие искажения.

— До тех пор пока картина мира и мыслящий субъект находятся во взаимонаправленных субъектно-объектных отношениях, мы говорим о мифологии, которая основана на вне-логическом восприятии. Положение, при котором строго определено, что есть субъект в картине мира, а что есть объект, становится догматом, а значит, переходит в разряд религии.

4. Мифологическая картина мира одновременно является идеальной и материальной.

а) Идея, которая взята за основу каждой мифологической системы, — есть нечто существующее: если идея не существует, то нельзя о ней говорить, так как нельзя назвать, а язык называет только то, что есть. Но существование идеи отличается от самой идеи, так как если бы идея и ее существование совпадали, то всякая вещь была бы идеей, поскольку существует. Следовательно, идея осуществленная выражает себя в чем-то не-идеально, а значит, существует вне-идеальная реальность.

Важный момент: уже на этапе вне-идеального существования идеи-мифа заложены: 1) невозможность абсолютного выражения мифа, его вечное ускользание от точного описания; 2) неизбежное искажение первоначального мифа, идеи.

Теперь о материи. Материальное (реальное) есть нечто существующее, а значит, ему свойственны признаки, которые выделяют его из материи вообще. Причем эти признаки выделяют нечто существенное (иначе ими можно пренебречь). Но совокупность существенных признаков для вещи есть идея этой вещи. Так как если провести обратную процедуру и удалить из вещи существенные признаки, то не будет ничего, что выделяло бы ее из материи, а значит, не будет и вещи.

Таким образом, вещь включает в себя идею, несводимую на материю, невещественную.

б) Набор вещей, окружающих субъекта в его повседневной деятельности, кроме своей непосредственной функции, если таковая есть, несет также функцию трансляции некоторой высшей идеи этого субъекта о картине мира, которую он мог бы описать, если бы взял на себя такой труд. Клиффорд Гиртц, американский антрополог, говорит об «особенности человеческого воображения, конструирующего образ реальности так, что (как показал это в свое время М. Вебер) события в ней происходят не в некоей нейтральной и безотносительной связи и последовательности, но насыщены смыслом и подчиняются законам этого смысла» [4, с. 131].

5. В мифологической картине мира пара «душа — тело» реализована следующим образом: тело само по себе неодушевленное, но есть нечто — душа, которая одушевляет. Душа запускает внутреннее движение статичного тела.

Если тело покоится, как покоится камень, то оно и не может двигаться само из себя, оно неодушевленное. Но если тело способно к движению, значит, оно наделено душой или же некая мировая душа задает этому телу толчок к движению. Поскольку исследователь, всякий раз поднимая вопрос «почему живое способно к самодвижению?» и всякий раз доходя до бесконечной цепочки «первое запустило второе, а второе запустило третье», будет упираться в вопрос «что запустило самое первое?» — то, до которого только возможно углубиться. Но движение тела, большого ли, малого ли, невозможно объяснить на основании логики самого тела. Фактически это вопрос о первом движении во Вселенной. Найти на него ответ в современных условиях освоения мира невозможно. Этот обязательный для человеческого разума вопрос в мифологической картине мира решается в пользу души, которая запустила первое движение сама из себя.

Отсюда следует, что душа — самодвижущаяся, она движет собою, а значит, ей есть что двигать — есть тело. Выходит, что если есть душа, то есть и тело. Именно так и реализована природа божественного во всех мифологических системах.

6. В мифологической картине мир одновременно конечен и бесконечен. Первый мир — человеческий — доступен изучению и освоению, поскольку у него есть границы (если границ у мира нет, то нет и формы → если нет формы, то невозможно вычленить его из всего прочего → если мир нельзя вычленить, то его и нет), а следовательно, мир конечен. Однако кроме мира, который способен познать человек, есть еще что-то другое, что познать невозможно в полной мере, в мифологии — идеальный мир. Но

если представить, что границу познания мира можно преодолеть и выйти за ее пределы, то тем самым она отодвинется и встанет вопрос о том, что находится за новой границей. И так граница может раздвигаться бесчисленное количество раз, а следовательно, мир конечен и бесконечен одновременно.

7. Вечность и время. Предполагается, что есть такие мифологические картины мира, в которых утверждается отсутствие времени следующим образом: те, кто населяет мир, находящийся за границами познаваемого, пребывают вне времени. Но человек, конструирующий мифологическую картину, постигает их из своего временного мира, тем самым он привносит время в идеальный мир за границами своего мира. Даже если для тех, кто за границей познаваемого мира, на Олимпе или в сонме архангелов, времени нет — мыслящий субъект, конструирующий мифологический мир вокруг себя, пропишет для них вечность. Но вечность — это все равно время, которое протекает бесконечно долго. Отсутствие времени лишено протяженности изначально: в тот же миг, как исчезнет время, исчезнет и пространство.

Для мыслящего субъекта время — и конечно, поскольку конечен он сам, и бесконечно, поскольку он предполагает его наличие до себя и после себя.

8. Оппозиции «свобода и необходимость», «абсолютное и относительное», «целое и часть» для мифологической картины мира не являются значимыми, поскольку в разных мифологических системах они решены по-разному.

9. Антиномия «одно и многое» повторяет, по сути, рассуждения «материального и идеального» и «сущего и несущего». Этих рассуждений достаточно,

чтобы показать, что мифологическая картина мира — не только та, которую населяют боги или высшее божество — мировая душа, но часто именно та, которая выглядит научной, на поверку оказывается мифологичной, поскольку в ядре научной картины мира лежит догмат, который всегда логичен и возводится в абсолют.

Мифологическая картина мира исторична и личностна. Главный элемент мифологической картины мира, который описывает А. Ф. Лосев, ее центр — это развернутое мифологическое имя: «Миф есть слово о личности, слово, принадлежащее личности, выражающее и выявляющее личность. Миф есть такое слово, которое принадлежит именно данной личности, специально для нее, неотъемлемо от нее. <...> Оно есть имя. Имя есть собственное слово личности, то слово, которое только она одна может дать и выявить о себе. <...> Итак, миф есть имя. Но миф, сказали мы, есть еще чудо... Именно, получается чудесное имя, имя, говорящее, свидетельствующее о чудесах, имя, неотделимое от этих самых чудес, имя, творящее чудеса. Мы будем правы, если назовем его магическим именем. Миф, поэтому, есть просто магическое имя. А присоединение, наконец, второго момента, истории, дает последнее преобразование, которое получит такую форму: миф есть развернутое магическое имя» [3, с. 196].

Подведем итог. Мифологическая картина мира состоит из знаемых объектов, которые возможно постигнуть чувственно и вне-чувственно, всё в ней проникнуто смыслом. При этом мир в ней конечен и бесконечен одновременно. Душа выступает перводвижителем тела, и у всякой души есть тело. Субъект, который описывает картину

мира, оказывается под воздействием собственной же картины мира, которая влияет на него как на объект. Ядром мифологической картины мира является развернутое во времени магическое имя.

Литература

1. **Вернадский В. И.** Живое вещество. М.: Наука, 1978. 358 с.

2. **Холтон Дж.** Что такое «антинаука»? / Пер. с англ. А. Б. Толстова // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26–58.

3. **Лосев А. Ф.** Диалектика мифа // Миф, число, сущность / А. Ф. Лосев. М.: Мысль, 1994. С. 5–216. (Философская мысль).

4. **Geertz C.** The Interpretation of Cultures. N. Y.: Basic Books, 1973. 470 p. (Basic Books Classics).

Старикова Инна Владимировна — аспирантка кафедры философии, социологии и политологии (ФСИП) МИЭТ. **E-mail:** vasilenko.miet@gmail.com

Статья поступила 29 марта 2017 г.